

**Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Институт массовых коммуникаций, филологии и политологии
Кафедра регионоведения России, национальных
и государственно–конфессиональных отношений

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННО–КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ
ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.**

выпускная квалификационная работа
(бакалаврская работа)

Выполнила студентка
4 курса 865 группы
Сабашкина Алена Евгеньевна

(подпись)

Научный руководитель
д.и.н., профессор
Пётр Константинович
Дашковский

(подпись)

Допустить к защите
Заведующий кафедрой,
д.и.н., профессор
Пётр Константинович
Дашковский

(подпись)

____ июня 2020 г.

Выпускная квалификационная
работа защищена
____ июня 2020 г.

Оценка _____

Председатель ГЭК
д.ф.н., профессор
Ан Светлана Андреевна

(подпись)

Барнаул 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.....	12
1.1. Правовое положение Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской Империи.....	12
1.2. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. на примере Забайкальской и Иркутской духовных миссий	20
ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОВЕРНЫХ И ИНОСЛАВНЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ	27
2.1. Правовое положение иноверных во второй половине XIX – начале XX вв. в Восточной Сибири на примере мусульман и буддистов	27
2.2. Инославные вероисповедания в системе государственно–конфессиональных отношений в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.....	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	40
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	43

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность На сегодняшний день, подробное изучение и исследование истории религиозных конфессий, распространенных в России, является актуальным вопросом и вызывает большой интерес. В первую очередь это связано с усилением роли религии в обществе. Важнейшей задачей современного этапа развития российского гражданского общества является его консолидация, укрепление и оптимизация социальных, культурных, экономических связей, которые существуют между различными этническими и конфессиональными группами населения Российской Федерации.

В результате сложившейся ситуации, особенно после распада СССР, возрос интерес к опыту разрешения религиоведческих проблем в предыдущие периоды российской истории. Так уже в XIX веке Российская империя достигла максимальных размеров и объединяла народы, принадлежащие к различным религиозным конфессиям.

При реализации государственно–конфессиональной политики в данном регионе царская власть должна была учесть имевшуюся специфику межконфессиональной ситуации и обеспечить постепенное, бесконфликтное их слияние в общегосударственные структуры. Процесс разработки, реализации конфессиональной политики, опыт ее внедрения на местах, как положительный и так отрицательный – требует глубоко изучения и переосмысления.

Главенствующей религиозной организацией в Российской Империи являлась Русская Православная Церковь. В период освоения Восточной Сибири на этих территориях проживало огромное количество людей, придерживающихся иных религиозных традиций (ислама, буддизма, шаманизма). Туда же выселялись носители других христианских традиций (сторообрядцы, католики и протестанты). В глазах правительства религия являлась важным консолидирующим фактором в укреплении всей Российской Империи. Государственно–конфессиональная политика второй

половины XIX – начале XX вв. была направлена, в первую очередь, на удержание восточных регионов империи через диалог с представителями неправославных конфессий и через насаждение православия на новые территории.

На миссионеров, кроме христианской проповеди, возлагалась задача русификации местного населения и воспитания в нем верноподданнических чувств. Благодаря деятельности миссионеров не только церковь, но и российская наука приобрели по-настоящему важный и ценный опыт исследования коренного населения Сибири, его традиционных религиозных верований, обычаев, языка и культуры, которые остаются актуальными и по сей день. Изучение миссионерской деятельности Русской православной церкви крайне важно как для понимания церковно– государственных отношений в истории России, так и для исследования истории государственной политики в данном регионе. Этим объясняется актуальность изучения данного вопроса.

Так же стоит отметить, что многие страницы истории взаимоотношений российской власти с инославными и иноверными исповеданиями в конце XIX – начале XX вв. остаются малоизученными. Поэтому большое значение сейчас уделяется изучению исторического опыта Российской империи второй половины XIX – начале XX вв.

Объектом исследования в данной работе является государственно– конфессиональная политика в Российской Империи.

Предметом исследования в данной работе является реализация государственно– конфессиональной политики в Российской Империи в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

Хронологические рамки исследования охватывают вторую половину XIX – начало XX вв. Время правления трех императоров: Александра II, Александра III и Николая II. Данный временной промежуток обусловлен началом реформ в Российской Империи и попытками преобразования структуры государственно– конфессиональных отношений. Именно в этот

временной отрезок прослеживается эволюция религиозной политики по отношению не только к православию как идеологии государства, но и к иноверным и инославным вероисповеданиям.

Географические рамки исследования включают территорию Восточной Сибири: Иркутская губерния, Енисейская губерния, Забайкальская область.

Целью дипломной работы является изучение осуществления государственно–конфессиональной политики в Российской Империи по отношению к религиозным группам, представленным в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX века.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнение следующих *задач*:

1. Изучить правовое положение Русской Православной Церкви в Восточной Сибири.
2. Выявить основные направления миссионерской деятельности РПЦ в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.
3. Изучить правовое положение иноверных – мусульман и буддистов – в Восточной Сибири.
4. Выявить место инославных вероисповеданий на примере протестантов и старообрядцев в системе государственно–конфессиональных отношений в Восточной Сибири.

Степень изученности Начало общеисторического изучения Сибири связывают с государственным деятелем XVIII в. Г.Ф. Миллером¹, собравшим в ходе Камчатской экспедиции фактический материал географического, исторического, этнографического, археологического и лингвистического содержания, систематизированный впоследствии в трехтомное академическое издание «История Сибири».

¹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Том 1./ Г.Ф. Миллер; вступ. статья Е.П. Батяновой, С.И. Вайнштейн. – 2–е изд., доп. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 630 с.

Русская православная церковь в изучаемый период была тесно связана с государством и по факту становилась инструментом государственной политики. Поэтому интерес к изучению положения церкви в государстве, ее роль в синодальный период представляется интересной для изучения многим исследователям.

Активное изучение государственно–церковных отношений Синодального периода начинается с конца 1980–х годов. В отечественной историографии изучение церковно–государственных отношений занимались такие исследователи как И.К. Смолич², С.Л. Фирсов³, С.И. Алексеева, М.А. Бабкина, А.В. Борисова, Н.С. Велитченко, Ю.Б. Смирнова, П.Н. Зырянова.

Отдельное внимание ученых уделяется изучению территорий Сибири. Изучение церковных отношений на этих территориях ведутся достаточно давно, однако до сих пор существует необходимость в более полной разработке данной проблематике. Одним из важных направлений политики государства и церкви на территории Восточной Сибири является миссионерская деятельность РПЦ. Сюда можно отнести как классические работы Т.А. Догуревича⁴, С.К. Патканова, П.А. Словцова, П. Сумарокова, Н.М. Ядринцева⁵, так и сочинения современных авторов: А.Ю. Конева⁶, А.В. Ремнева⁷. Немало важное значение имеют и коллективные монографии

² Смолич И.К. История Русской Церкви/ И.К. Смолич. – М., 1997 – Т.8. – С.148–149.

³ Фирсов С.Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. — СПб.: Сатис, 2007. – 470 с.

⁴ Догуревич, Т.А. Свет Азии: Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религ. верований инородцев этого края : На основании миссионер. отчетов, записок путешественников и лучших исслед. по данному вопросу / Сост. Т.А. Догуревич. – СПб: тип. П.П. Сойкина, ценз. 1897. – 167 с.

⁵ Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – СПб.: Издание И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.

⁶ Конев А. Ю. Коренные народы Северо–Западной Сибири в административной системе Российской империи (XVIII – нач. XX вв.) / А. Ю. Конев. – Москва : Координац.–метод. центр прикладной этнографии ИЭИА, 1995. – 217 с.

⁷ Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков: монография / А. В. Ремнев ; М–во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Омский гос. ун–т им. Ф. М. Достоевского». – Омск : Изд–во Омского гос. ун–та, 2015. – 577 с.

«Сибирь в составе Российской Империи»⁸, «История Сибири с древнейших времен до наших дней»⁹; «Новые земли» и освоение Сибири в XVII—XIX вв.: очерки истории и историографии»¹⁰. Отдельная диссертация М.П. Свищева «Миссионерская деятельность в контексте геополитики»¹¹ посвящена миссионерству как части политики государства.

Истории основных миссий Русской православной церкви и биографии их крупнейших деятелей посвящены книги А.Б. Ефимова¹², Е. Смирнова, И. Филяновского, биографический словарь¹³, составленный С. Широковым, атлас под редакцией М. Бурдо и С. Филатова¹⁴.

Темы влияния православной традиции на культуру народов Сибири, ее взаимосвязь с традиционными религиозными верованиями и их взаимовлияние рассматриваются в работах Л.А. Тресвятского¹⁵ и Л.Н. Харченко¹⁶. История религиоведческого изучения Сибири и ее народов с момента освоения региона в трудах российских ученых представлена в книге М.М. Шахнович «Очерки по истории религиоведения»¹⁷.

⁸ Сибирь в составе Российской империи// ред. Л.М. Дамешек, А.В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.

⁹ История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах). – М.: Наука, 1968–1969. – 2600 с.

¹⁰ Ананьев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.Я., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н. Новые земли и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии / отв. редактор Д.Я. Резун. – Нск.: Сова, 2006. – 227 с.

¹¹ Свищев М.П. Миссионерская деятельность в контексте геополитики. – М., 1999. – 142 с.

¹² Ефимов А.Б. Некоторые проблемы православного миссионерства и заветы святителя Иннокентия Вениаминова // Славянский альманах. – М., 1997. – С. 36–51.

¹³ Биографический словарь миссионеров Русской Православной Церкви / [авт.–сост. свящ. Сергей Широков]. – М. : Белый Город, 2004. – 447 с.

¹⁴ Атлас современной религиозной жизни России / Кестон. ин-т ; отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. – М. : Летний сад, 2005. – 863 с.

¹⁵ Тресвятский, Лев Алексеевич. Православие на Кузнецкой земле в дореволюционный период [Текст] : научное издание / Л. А. Тресвятский ; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Кузбасская гос. пед. акад.» (ГОУ ВПО КузГПА), Муниципальное авт. образовательное учреждение доп. проф. образования «Ин-т повышения квалификации» (МАОУ ДПО ИПК). – Новокузнецк : МАОУ ДПО ИПК, 2013. – 267 с.

¹⁶ Харченко Л.Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири : (вторая половина XIX в.–февр. 1917 г.) : очерк истории. – СПб. : [б. и.], 2004. – С 46.

¹⁷ Шахнович М.М. Религиоведение. – СПб.: Питер, 2009. – 269 с.

В последние годы вышло много работ, посвященных анализу деятельности православных миссионеров в конкретных регионах Восточной Сибири в изучаемый нами период.

Отдельные параграфы о миссионерстве РПЦ в Восточной Сибири можно найти в монографии «Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков»¹⁸ под редакцией А.В. Дулова и А.П. Санникова. Несмотря на то, что эти сочинения написаны с конфессиональных позиций, они не теряют своей информативной ценности и являются хорошими источниками для научного исследования.

Среди современных исследователей, изучающих миссионерство в Восточной Сибири, следует отметить М.В. Анахину¹⁹, А.Д. Жалсараева²⁰, В.Т. Михайлову, З.А. Шагжину²¹.

Однако, несмотря на все достижения отечественных и зарубежных исследований, миссионерская деятельность Русской православной церкви до сих пор не изучена в полной мере, и кроме того отсутствуют обобщающие работы по данной теме.

Попытку проследить взаимодействие пришлого русского народа с коренными жителями территорий Восточной Сибири в процессе втягивания их в систему общерусских государственных связей предпринял П.А. Словцов²².

Углубленный подход к изучению государственно–правового статуса иноверцев в различных регионах Восточной Сибири характерен для трудов

¹⁸ Дулов, А.В. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII – начале XX веков / А. В. Дулов, А. П. Санников. – Иркутск : СибПолиграфСервис, 2006. – Т. 1. – 294 с.

¹⁹ Анахина, М. В. Просветительская деятельность православной церкви на территории Бурятии (XVIII–XIX вв.) / М. В. Анахина // Кирилло–Мефодиевские чтения – 2014. – Улан–Удэ : Нац. б–ка Респ. Бурятия, 2014. – С. 5–10.

²⁰ Жалсараев, Анатолий Дамбаевич. Становление и развитие церковно–административной системы Русской Православной Церкви в Забайкалье : середина XVII–начало XX вв. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02. – Улан–Удэ, 2006. – 236 с.

²¹ Шагжина З.А. Миссионерская деятельность русской Православной церкви в Забайкалье (2–я половина XVII–начало XX вв.): дис. ... канд.ист.н.: 07.00.02 / Шагжина Зоя Александровна. – Улан–Удэ, 2000. – 27 с.

²² Словцов П.А. Историческое Обозрение Сибири. Кн. 1. С 1585 по 1742 год. СПб., 1886. 326 с.

таких исследователей как Н.М. Ядринцев²³, С.С. Шашков²⁴ и С.В. Прутченко²⁵, описавших вовлечение туземцев в «число равноправных ясачных подданных».

Наиболее полное освещение вопросы организации аппарата управления «инородцев» в Сибири получили в научных трудах Л.М. Дамешека²⁶, обозначившего основные этапы систематизации норм туземного права.

Иностранные авторы, такие как, например Robert D. Crews²⁷, так же изучали вопросы положения некоторых конфессий на территории Сибири и Российской империи в целом.

Однако, стоит сказать, что в современной историографии наблюдается недостаток научных работ, касаемых изучения инославного и иноверного населения Восточной Сибири.

Методологическую основу работы составляют принципы историзма и объективности. Принцип историзма в работе позволяет рассматривать государственно–конфессиональную политику Российской Империи в Восточной Сибири как постоянно развивающуюся систему в контексте исторического процесса. Принцип объективности позволяет понять основные ценности противоборствующих сторон, в данном случае государственного управления и религиозных общин Восточной Сибири.

При написании работы использовались следующие *методы* исторического исследования:

– проблемно–хронологический метод, позволяющий выявить основные особенности и проблемы государственно–конфессиональной

²³ Ядринцев Н.М. Сочинение. Т. 2: Сибирские инородцы, их быт и современное положение. Тюмень: Изд–во Ю. Мандрики, 2000. 336 с.

²⁴ Шашков С.С. Сибирские инородцы в XIX столетии. СПб., 1898 г. 396 с.

²⁵ Прутченко С. Сибирские окраины. Областные установления, связанные с Сибирским Учреждением 1822 г., в строе управления русского государства. Историко–юридический очерк. СПб., 1899. 405с.

²⁶ Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX –начало XX века). Иркутск, 1986 г. 164с.

²⁷ Crews, 2006. Crews, Robert D. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, London, England, 2006 – 196 p.

политики на различных этапах ее развития, изучить основные тенденции изменения государственно–конфессиональной политики в Восточной Сибири;

– метод системного анализа, благодаря которому государственно–конфессиональные отношения представляются в виде постоянно развивающейся и изменяющей сложной системы;

– историко–сравнительный метод, благодаря которому становится возможным сравнить положение исследуемых в работе конфессий, представленных на территории Восточной Сибири, и сравнить отношение к ним со стороны государственной политики;

– при анализе исторических источников автором широко применялся метод контент–анализа, при котором выделялась определенная система качественных признаков, характеризующих свойства массового сознания верующих изучаемых в работе конфессий.

Использование данных методов дает возможность проследить эволюцию взглядов как чиновников в правительственных учреждениях, занимающихся вопросами межконфессиональной политики, так и представителей самих конфессий. Выявить различные группы внутри российской и религиозной элиты и проследить отличия в их методах деятельности, отражающих взгляды традиционного и реформаторского крыла общества во второй половине XIX века как взаимоотношения имперского центра и регионов, где компактно проживали представители изучаемых конфессий. Немалое место и значение принадлежит личностно–психологическому подходу, т.к. в решении межрелигиозных отношений большая роль отводилась личностному фактору, который оказывал воздействие на выработку конфессиональной политики и определял взаимоотношения между властью, в лице ее чиновников, и обществом.

Источниковую базу исследования составили различные законодательные, нормативно–правовые акты Российской Империи исследуемого в работе периода, письменные источники: дневники, записки

православных миссионеров, путешественников, государственных деятелей, биографии государственных и религиозных деятелей в Восточной Сибири, архивные данные.

Научная новизна данной работы заключается в попытке комплексного изучения и анализа деятельности органов государственно–конфессионального управления на территории Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX веков, а так же в изучении взаимосвязи государства и религиозных конфессий, представленных в указанном регионе.

Структура: дипломная работа состоит из введения, двух глав, разделенных на параграфы, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

1.1. Правовое положение Русской Православной Церкви во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской Империи

Православие являлось наиболее крупным по количеству приверженцев вероисповеданием в Российской Империи. Первая всеобщая перепись, прошедшая в 1897 году, показала, что численность людей, исповедующих православие, составило 69.5 % от всего населения страны²⁸.

Помимо того, что православие являлось самым многочисленным вероисповеданием, оно было также самым быстрорастущим по количеству новых приверженцев. Постоянно на территории империи возникали новые приходы и епархии. Так с середины XIX века и до начала XX века число епархий возросло с 55 до 67. В 1865 году Указом Синода всем епархиям было разрешено иметь викарных епископов и численность их к концу XIX в. возросла до 38.

Начатый еще Петром I процесс «огосударствования» церкви постепенно завершается к середине XIX века. Главной его задачей было использование православия в интересах самодержавия. Поэтому, царская власть, поддерживая Русскую Православную Церковь как один из своих столбов, наделяла ее особыми привилегиями, обеспечивала защиту и неприкосновенность²⁹. В это время формируется система управления церковью, которая просуществовала вплоть до 1917 года.

Официально во главе РПЦ стоял царь. Ему подчинялись Святейший Правительствующий Синод и обер-прокурор. Синод состоял из высших церковных иерархов, однако все дела вершил возглавлявший его обер-

²⁸ Положение о первой всеобщей переписи населения Российской Империи. «Правительственный вестник», 1895 г. № 160.– С.1–5

²⁹ Чистякова О.И. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года. Комментарий к разделу второму «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений» / О.И. Чистякова. – М., 1988. Т. 6. – 432 с.

прокурор, являвшийся светским лицом и назначенный императором. Данная структура обеспечила полное руководство государства над церковью и помогла разграничить религиозно–идеологическую и административно–хозяйственную функции церкви.

В законодательстве Российской Империи православная церковь провозглашалась «первенствующей и господствующей», а царь не мог исповедовать никакой другой веры, кроме православия. Так же он рассматривался как «блюститель правоверия» и «верховный защитник»³⁰.

Привилегированность РПЦ выражалась так же в том, что только она в исключительном праве могла проповедовать свои вероучения: «В пределах государства одна господствующая Православная Церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные же и светские лица прочих христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенных»³¹.

Православие, как религия основообразующей нации, всегда принимало участие в укреплении Российского государства. В соответствии со Сводом законов все вероисповедания делились на три группы: 1) Первенствующие и господствующие – православие, 2) терпимые – западные христианские исповедания и 3) гонимые – старообрядчество и сектантство, возникшие на почве православия. Последние не имели права на легальное существование, поэтому ни о каком равенстве конфессий в Российской Империи не могло быть и речи³².

Главным инициатором церковных реформ РПЦ в начале рассматриваемого в работе периода нужно считать П.А. Валуюва, занимавшего должность министра внутренних дел. Именно он склонил

³⁰ Свод законов Российской империи. СПб, 1892 г., Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. Ст. 41.

³¹ Свод законов Российской империи. СПб, 1896. Т. 11. Ч. 1. Ст. 4.

³² Свод законов Российской империи. СПб, 1896. Т. 11. Ч. 1. Ст. 6.

императора Александра II к принятию решению о реформировании православной церкви. В 1861 году Валуев представил императору секретный доклад «О преобразовании быта духовенства», а уже через месяц он предоставляет развернутый план, целью которого было повышение материального и нравственного уровня российского духовенства. Предлагалось «сблизить» его с остальными сословиями.

Валуев выступал за самостоятельное развитие церкви с помощью ее внутренних сил и при содействующей политике государства. В данном отношении Валуев придерживается принципа, в котором «всякое преобразование должно быть совершенно, по возможности, без внутренних потрясений и без пренебрежения к установившимся в продолжение времени под влиянием действовавшего до толе законодательства, частным правам и интересам»³³.

Установившаяся с начала XVIII в. практика передачи священнических должностей только по наследству старшему сыну была узаконена Павлом I. При Александре II это правило было отменено. Однако, в существующей церковной иерархии по-прежнему сохранялись и укреплялись определенные порядки. Так, например, высшие чины могли избираться только из монашесствующего духовенства.

По закону, пострижение в монашество совершалось только по собственному согласию. Так же существовали определенные возрастные ограничения, где пострижение в монашество разрешалось мужчинам в возрасте не моложе 30, а женщинам — 40 лет. Запрещалось производить постриг в монашесствующих женатого мужчину или замужнюю женщину, кроме случаев, когда они имеют взаимное согласие на одновременный постриг, при условии, что они бездетны или имеют уже взрослых детей. Закон запрещал принимать в монашество лиц, состоявших под судом или имевших долги. Находившиеся на военной или гражданской службе обязаны

³³ А.И. Клибанов. Русское православие: веки истории/ А.И. Клибанов. – М.: Наука, 1989. – 380 с.

были получить увольнение от начальства, а лица податных сословий — увольнительные удостоверения от сельской или городской общин, к которым они были «приписаны». По гражданскому законодательству поступающий в монастырь должен был передать свое родовое имение наследникам, а «благоприобретенное» — кому пожелает.

Перед тем, как стать монахом, кандидату приходилось проходить трехлетний срок «послушания». По прохождению срока «послушания» можно было отказаться от своего намерения принять постриг и покинуть монастырь. Так же закон предусматривал «расстрижение» монаха в случае совершения им уголовного преступления или проступков. При определенных условиях допускался и добровольный выход из монашества.

Помимо церковной реформы, проводимой Александром II, немало важное значение имела реформа духовного образования. В 1865 году пост обер-прокурора занимает граф Д.А. Толстой.³⁴ Его работа и работа нескольких комиссий привела к утверждению в мае 1867 года новых уставов семинарий и духовных училищ, а в 1869 – академий. Отныне Духовно-учебное управление было упразднено в Учебный комитет при Святейшем Синоде. Впервые было придуман выборный и совещательный орган в духовных школах, отвечавший за выборные должности преподавателя, инспектора в семинариях, а так же ректора. В это время к активному участию в жизни церкви привлекается белое духовенство, которое теперь состоит в правлении, решавшем все важные школьные вопросы. Помимо этого представитель белого духовенства мог получить должность ректора, которая ранее для них была невозможной.

Сама программа духовного училища также претерпела некоторые изменения. Для начала она сократилась до четырех лет, при этом поступление в него разрешалось представителям всех сословий. В академиях было введено распределение по трем отделениям: церковно-историческое,

³⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 35. Отд. 1. Д. 176. О формулярном списке обер-прокурора Св.Синода графа Д.А. Толстого. – С. 16.

церковно–практическое, богословское, а так же индивидуальная специализация на четвертом курсе. Для того чтобы придать огласки богословским работам студентов, была введена публичная защита диссертационных исследований.

Следующий важный этап в государственно–конфессиональных отношениях империи и православной церкви наступает с приходом к власти Александра III. Назначенный в 1880 году обер–прокурор Синода К.П Победоносцев, стал главный идеологом данного периода не только в политической , но и в церковной сфере страны. Победоносцев с трепетом относился к церковным делам и сам по вере своей был православным человеком. В православии он чтит простоту, его обычные, привычные для всех формы, т.е традиционализм³⁵.

Реформа духовных школ 1884 года, проводимая Победоносцевым, оказалась менее продуктивной, чем реформа предыдущего периода. Новые законы буквально ограничивали и упраздняли свободы устава 1867 года.

Существовавшее ранее распределение по отделениям и специализация были отменены, ужесточились правила каких–либо проявлений мыслей. В сложное время распространения революционных идей государство было озадачено вопросами сохранения традиционного, самобытного устройства страны и запретило любое проявление вольномыслия.

Противоречивость религиозной политики, проводимой в период царствования Александра III, состояла в том, что с одной стороны – реформирование было направлено на активизацию деятельности РПЦ, а с другой – продолжалось усиление контроля над данной деятельностью³⁶. Все эти действия привели к потери самостоятельности церкви, к ее кризисному состоянию, в котором она оказалась на рубеже XIX – XX веков. Именно в данный период и возникает острый вопрос об изменениях в отношениях

³⁵ Рункевич С.Т. История Русской Церкви в Синодальный период/ С.Т. Рункевич. – М.: Изд–во БЕК, 1989. – Т.1. –549 с.

³⁶ Фёдоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917/ В.А. Федоров – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.

государства и церкви. В частности, был поставлен вопрос о ликвидации опеки государства над церковью и наделения ее реальной самостоятельностью. Уже с конца XIX века намечается тенденция к свободе вероисповедания, в то время как в европейских странах церковь уже давно существовала отдельно и независимо от государства³⁷.

К концу XIX столетия РПЦ имела статус первой среди равных, т.е. все остальные вероисповедания официально провозглашались равными православной. Но фактически данного равенства не существовало.

После того, как Николай II вступил на престол, он получил письмо от философа Владимира Соловьева. В своем обращении тот требовал «освободить церковь от крепостной зависимости от государства и тем самым придать ее жизни новый внутренний импульс»³⁸.

Корректировка законодательства Российской империи в сторону расширения свободы вероисповедания началась с выпуска высочайшего манифеста от 26 февраля 1903 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».³⁹ В манифесте Русская Православная Церковь обозначалась как «первенствующая» и «господствующая», однако, вместе с тем, власти предоставляли инославным и иноверным исповеданиям свободное отправление их веры и совершение религиозных обрядов.

Идеи манифеста 1903 года получили дальнейшее развитие в указе Сенату 12 декабря 1904 года «Об усовершенствовании общественного порядка». После выхода указа сразу же было принято Положение Комитета министров о прекращении действий, принятых по делам «религиозного свойства» в административном порядке мер взыскания. Так же при данном Комитете была создана специальная комиссия, которая пересмотрела принятые ранее положения о вмешательстве государства в дела веры. В

³⁷ Безлепкин А.С. К вопросу о взаимоотношениях церкви и государства в России/ А.С. Безлепкин. – М.: Российская юстиция, 1996. – 27 с.

³⁸ Соловьев В.С. Статьи и письма // В.С. Соловьев. – М.: Новый мир, 1989. – № 1. – С. 232.

³⁹ Павлова О. С. Разработка и обсуждение законопроекта «Об укреплении начал веротерпимости»: к постановке проблемы // Аллея науки. – 2018. – № 3 (19).

большой степени данный указ был посвящен делам инославных и иноверных исповеданий и «раскольникам».

Указом от 17 апреля 1905 года⁴⁰ был взят курс на «укрепление начал веротерпимости» и отмену религиозных ограничений, направленных ранее на иноверных и инославных. Окончательные изменения в области государственно–церковных отношений произошли с принятием Манифеста от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка»⁴¹. Впервые в истории России данный указ даровал свободу совести всем гражданам, живущим на территории страны. Фактически в России была проведена конституционная реформа. В 1906 г. соответствующие изменения были внесены в Основные законы Российской Империи.

Указ 1905 года и последующие изменения в законе были, в первую очередь, направлены именно на инославные и иноверные исповедания, предоставляя им больше прав, чем те имели до выхода новых указаний. Тем не менее, данные указы имели колоссальное влияние и на Русскую Православную Церковь, и далеко не все эти изменения имели положительный характер.

После выхода Указа произошло некоторое ослабление цензуры, вызванное недовольством духовной школы. В 1905 году вопрос проведения церковных реформ и созыва Поместного Собора достиг своей пиковой точки, когда прочие конфессии империи получили значительные преимущества перед Православной Церковью. Начинается составление и обсуждение программы Собора. Первым крупным шагом в этом направлении были «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе». Некоторые не ограничились собственными отзывами, но специально провели епархиальные съезды, заседания педагогических советов и правлений духовных школ, решения которых также выслали в Синод. Особенно полно и

⁴⁰ Собрание узаконений и распоряжений Правительства. — СПб., 1905. — 17 апреля (№ 63, Отд. 1, ст. 526). — С. 710—712 .

⁴¹ Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1905. Т. 25. Отделение первое. №26803.

живо почти все епископы высказались о путях преодоления проблем духовных школ.

Еще одной серьезной проблемой для РПЦ стало то, что снизился приток новых верующих. Поскольку теперь граждане империи были свободны в выборе вероисповедания, а принадлежность к неправославной церкви больше не являлась преступлением, ранее крестившиеся люди, особенно на территориях, где изначально исповедовалось не православие, начали возвращаться обратно в свою национальную веру. Например, после выхода Указа о веротерпимости РПЦ потеряла значительную часть своей паствы на западе империи. По официальным сведениям, в 1905—1907 годы в польских губерниях Люблинской и Седлецкой, а также в украинских и белорусских землях свыше 200 тысяч человек оставили православие, перейдя к католикам и греко-католикам (170 тысяч человек). В Поволжье имели место переходы православных в мусульманство (36 тысяч).⁴²

К тому же, с выходом Указа, РПЦ фактически теряла свой статус господствующей религии в Российской Империи и ставилась на один уровень с остальными исповеданиями в стране. Однако, РПЦ оставалась единственной религиозной организацией, которая была напрямую связана с государственным аппаратом.⁴³

Значение имело и психическое воздействие на массы того, что РПЦ утратила свой главенствующий статус. Глубоко верующие люди увидели в этом знак отступничества царя от истинной веры и от Бога, что сыграло свою роль в Революции 1905–1907 годов.

Митрополит Вениамин (Федченков) в своей книге «На рубеже двух эпох» подводит довольно таки мрачный итог положению РПЦ к началу русской революцией: «Духовная жизнь и религиозное горение к тому

⁴² Борзова Е. С. Последствия указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» на территории Царства Польского и западных губерний Российской империи // Религиоведение . – 2013. – № 1. – С. 44—49.

⁴³ Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX века – 1918 год). Исследования и материалы. – М.: Индрик, 2011. – С. 76.

времени начали слабеть. Вера становилась лишь долгом и традицией. Огня не было в нас и в окружающих”⁴⁴.

Тем не менее, РПЦ все еще оставалась самой крупной конфессией в стране. Официально к 1914 году в Российской империи насчитывалось 117 миллионов православных христиан, 67 епархий, более 50 тысяч священников и диаконов, 48 тысяч приходских храмов, 35 тысяч начальных школ и 58 семинарий, а также больше тысячи монастырей, 95 тысяч монашествующих.

Таким образом можно сказать о том, что противоречивая политика государственных властей оказала существенный отпечаток на судьбе Русской Православной Церкви. К концу XIX века православная церковь находилась в кризисном состоянии. Это, в первую очередь, выражалось в том, что православная церковь теряла свое нравственное и духовное влияние на верующих людей. Это привело к падению благопочтения к церковной среде. Церковь к началу XX века остро нуждалась в реформации и обновлениях. Но даже последующие реформы XX века не смогли исправить положения православной церкви. Указ 1905 года был в большей степени направлен на иноверные и инославные вероисповедания империи, лишая РПЦ положения государственной религии и провоцируя отток верующих в другие конфессии. Однако даже с выходом Указа РПЦ не потеряла своего статуса самой многочисленной конфессии в стране.

1.2. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. на примере Забайкальской и Иркутской духовных миссий

Как уже говорилось в предыдущем параграфе – Русская Православная Церковь была единственной конфессией в Российской Империи, которой официально было разрешено проповедывать свое учение, привлекая в лоно церкви новых последователей. Православие являлось важным консолидирующим фактором в укреплении Империи, поэтому

⁴⁴ Федченков Вениамин. На рубеже двух эпох / В.Федчинков. – М.: Наука, 1994. – 198 с.

государственно–конфессиональная политика была направлена на удержание восточных регионов через насаждение православия на новые территории.

В 1865 году в попытке объединить миссионеров церкви и активизировать их усилия создается Православное миссионерское общество. Однако лишь с 1869г., когда был изменен его устав, а руководителем назначили Митрополита Иннокентия Вениаминова, оно стало играть значительную роль в деле распространения православия. Митрополит полагал, что светская администрация должна оказывать всемерную поддержку миссионерам, помочь им в создании крепкой финансовой базы, привлечь общественность к решению этих задач, содействовать успехам православия через межличностное общение, образование, быт.⁴⁵

Во второй половине XVII – начале XVIII вв. Предбайкалье и Забайкалье были окончательно закреплены за Российской империей. Забайкалье играло важную роль в упрочении позиций на востоке страны, т.к. являлось ключевым районом в коммуникациях России с Китаем, Монголией и Дальним Востоком. Первостепенной задачей государства на данной территории было укрепление влияния России. Одним из главных методов данной политики послужила христианизация коренного населения, так как проживающие на территории Забайкалья тунгусы и буряты в большинстве своем были буддистами и шаманистами.

Первые этапы миссионерской деятельности в данном регионе оканчивались неудачей, поскольку миссионеры совершенно не владели бурятским языком, не знали местных традиций. Так же никто из них не хотел совершать длительные поездки по малонаселенным территориям.

Наиболее успешным периодом Забайкальской духовной миссии принято считать время с 1861 г. по 1904 г. Это время развития и становления бурятского православия в качестве одной из частей духовной культуры. Этому событию способствовало открытое годом ранее Селенгинское

⁴⁵ Харченко Л.Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири : (вторая половина XIX в.–февр. 1917 г.) : очерк истории. – СПб. : [б. и.], 2004. – С 46.

викариатство. Открытие викариатства способствовало дальнейшему развитию и становлению в крае православия, что в конечном итоге послужило основой для образования Забайкальской епархии⁴⁶. В 1862 году состоялось официальное открытие третьей Забайкальской миссии.

Начальником третьей миссии был назначен первый викарий Иркутской епархии – епископ Селенгинский Вениамин. В 1861 г. Вениамин приступил к организационной работе по устройству миссии, в основание деятельности которой были положены следующие положения:

1. Миссия должна состоять из священников белого или черного духовенства, исполняющих лишь миссионерские обязанности и свободных от приходских дел, кроме случаев крайней необходимости;

2. Миссия действует через станы, устроенные в местах наиболее частых и многочисленных собраний аборигенов; в каждом стане должны быть церковь и школа;

3. Миссия, помимо самой евангельской проповеди, стремится к приучению туземного населения к оседлому образу жизни через водворение на особых земельных наделах рядом со станами.

С развитием самой миссии улучшалось и ее материальное положение. В 1870–х гг. миссионер имел годовой оклад от 85 до 214 руб. Миссионерское общество в 1878г. рекомендовало, желая заинтересовать миссионеров в длительной работе на одном месте, ввести надбавки за каждое пятилетие службы. В сибирских епархиях эта рекомендация была учтена не сразу, но постепенно суммы, выплачиваемые миссионерам, стали возрастать, и к 1895г. достигли приемлемого уровня в 500–800 руб.⁴⁷

В 1894 г. по указу Св. Синода Забайкальская область обрела статус самостоятельной епархии. Такое действие значительно оживило православие, подняло его на новый уровень в области христианизации бурят. Так же в

⁴⁶ Анахина М.В. История Русской православной церкви в Забайкалье (XVII – начале XX в.): дисс. к.ист.н.:07.00.02 / Анахина Марина Владимировна. – Улан-Удэ, 2000. – С. 53.

⁴⁷ Харченко Л.Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири : (вторая половина XIX в.–февр. 1917 г.) : очерк истории. – СПб. : [б. и.], 2004. – С 446–447.

1894 году Синодом был издан указ о закрытии в Забайкальской области духовного правления, и открытия вместо него духовной консистории.

К 1897 г. было уже 18 станов. К 1901 г. количество миссионерских станов не изменилось, но прибавилось 7 содружеств, то есть к участию к миссионерской деятельности было привлечено семь приходских священников за дополнительное вознаграждение.⁴⁸

В конце XIX в. в Забайкалье, на территории современных Бурятии и Читинской области, насчитывалось 287 православных церквей.⁴⁹

Важными требованиями к миссионерам являлись знание основ христианского учения, языка, основ медицины, педагогики. Помимо этого миссионер должен был обладать необходимыми качествами для совершения долговременных поездок по бурятским землям. Отличительной чертой Забайкальской миссии было то, что она готовила миссионерские кадры из коренного населения, считая это залогом успешной христианизации бурят. После Вениамина пост главы Забайкальской миссии продолжали в разное время с переменным успехом преосвященные: Мартиниан (1868–1878), Мелетий (1878 – 1889), Макарий (1889 – 1892), Георгий (1892 – 1898), Мефодий (1899 – 1904), протоиерей Епифаний Кузнецов (1904 – 1917).⁵⁰

После выхода Указа 1905 года многие крещеные буряты стали отказываться от православия, возвращаясь в лоно ламаистской церкви.

Однако в 1912 г. в Забайкальской области проживали 893,2 тыс. человек, из них православные все еще составляли абсолютное большинство – 71,4%.⁵¹

⁴⁸ Никольский А., протоиерей. Забайкальская духовная миссия (1681 – 1903): Очерк из истории православной миссии в Восточной Сибири. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1904. – С. 47.

⁴⁹ Михайлова В.Т. Православие в духовной культуре бурят (30–е гг. XVII в. – 1917 г.). – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1999. – С. 50–51.

⁵⁰ Шагжина З.А. Миссионерская деятельность русской Православной церкви в Забайкалье (2–я половина XVII–начало XX вв.): дис. ...канд.ист.н.: 07.00.02 / Шагжина Зоя Александровна. – Улан-Удэ, 2000. – С. 71.

⁵¹ Михайлова В.Т. Православие в духовной культуре бурят (30–е гг. XVII в. – 1917 г.). – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 1999. – С. 57.

Помимо Забайкальской миссии на территории Иркутской епархии работала также Иркутская духовная миссия.

Ее основателем считается Иркутский епископ Нил Исакович, благодаря прошению которого в 1852 году Священный Синод предписал устроить Иркутскую духовную миссию.⁵²

На первом этапе ее существования не было сделано значительных успехов. Активная деятельность Иркутской миссии начинается со вступления на кафедру архиепископа Парфения. Парфений обладал всеми качествами достойного миссионера: активный, деятельный, умный администратор, сам лично производил длительные проповеднические поездки по бурятским землям.

Парфений назначил начальником миссии архимандрита Епифания (Евстафия Избицкого), однако, Епифаний, заведя отдельным Хоготовским станом, не мог иметь большого влияния на общий ход Иркутской миссии, и почти все управление по–прежнему осталось в руках самого Парфения.

За время начальствования Парфения было открыто 11 миссионерских станом и крещено 7674 бурята. В 1867 году Парфений вводит богослужения на бурятском языке. После него во главе иркутской миссии был поставлен начальник–архимандрит Мелетий (1873 – 1878), а затем архимандрит Макарий. К концу 19 века число миссионерских станом увеличивается до 18, а обращенных насчитывалось до 35 тыс. человек. Иркутская миссия, имевшая в своем владении 14 школ, оказывала значительное влияние на образ жизни новообращенных, испрашивая им земельные наделы и расселяя их оседлыми селениями.⁵³

Таким образом, Иркутская духовная миссия по своим чертам была схожа с Забайкальской. Работе духовной миссии способствовал тот факт, что

⁵² Дроздов И., священник. Краткий исторический очерк Иркутской миссии и ее современное положение.– Иркутск: Типография М.П. Окунева, 1910. – С. 18.

⁵³ Тальберг Н. История русской церкви. – М.: Издание Свято–Успенского Псково–Печерского монастыря приучастии товарищества «Светлячок», 1994. Т. 2. – С. 767.

аборигенное население Иркутской губернии, соприкасаясь с русскими и казачьими поселениями, перенимало их образ жизни и культуру.

Архиепископ Иркутский Парфений отмечал, что большая часть поселений аборигенов Иркутской губернии так или иначе вступала во взаимодействие с поселениями русских крестьян и казаков. Таким образом, эти местности являлись наиболее благоприятными для проповеди и принятию христианства, так как «влияние русского народонаселения сопредельного инородцам во многих местах таково, что инородцы говорят по-русски и в образе жизни сближаются с русскими»⁵⁴.

Природно-климатические условия также способствовали благоприятной проповеди христианства, т.к. миссионеры могли обходиться без езды верхом и само население жило более компактно. Соответственно, миссионер в данном регионе мог не обладать тем уровнем физической подготовки, какое требовалось для служения в других районах Сибири.

Подводя итог деятельности Иркутской и Забайкальской миссии, нужно отметить, что помимо вышеперечисленных осложняющих факторов, сильное сопротивление христианской проповеди оказывала стойкость коренного населения в своих традиционных верованиях. Православие так и не стало национальной религией бурят. Миссионеры не могли уделять аборигенам так же много времени, как ламы и шаманы, а потому они не могли стать полноценной частью их жизни. Серьезной преградой для взаимодействия было незнание православными миссионерами бурятского и тунгусского языка, традиций и обычаев местного населения.

Русская Православная Церковь была крупнейшей религиозной организацией в Российской Империи, носящей статус государственной религии. Отсюда вытекали все ее преимущества: возможность развиваться, расширять территорию влияния, вести миссионерскую деятельность, пользоваться поддержкой населения и тд.

⁵⁴ Парфений, архиепископ Иркутский. Иркутская духовная миссия с 1861 по 1870 год. – Печатано в Типографии Окружного Штаба, 1870. – С. 8.

В то же время, проблемы в развитии РПЦ возникали в ходе ее взаимодействия с государственным аппаратом. Власти пытались укрепить православие как государственную религию, однако само государство не совсем понимало, в каком русле стоило проводить политику в отношении РПЦ. Оно предоставляло церкви свободы, которые в скором времени ликвидировались. Духовные миссии недостаточно финансировались, на Восток страны выделялось слишком мало сил и кадров для укрепления православия в регионе. В конце концов, к концу изучаемого периода церковь оказалась в кризисном состоянии.

ГЛАВА 2. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНОВЕРНЫХ И ИНОСЛАВНЫХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

2.1. Правовое положение иноверных во второй половине XIX – начале XX вв. в Восточной Сибири на примере мусульман и буддистов

На территории Восточной Сибири проживало большое количество представителей различных конфессий, не относящихся к РПЦ. К иноверцам среди них относились мусульмане, буддисты и шаманисты, но только первые двое имели оформленную церковную структуру, иерархию, поэтому представляли больший интерес для властей, исследователей и миссионеров.

Ислам – вторая по количеству приверженцев религия в Российской Империи. Существенный рост численности мусульман в Сибири связан с тем, что в конце XIX – начале XX началось переселение сюда мусульманских национальностей – татар, киргизов и кавказцев. Переселение изначально было связано с ссылками. Но в дальнейшем главенствующую роль стал играть вопрос аграрного освоения региона. Восточная Сибирь представляла собой неосвоенный край с богатыми для сельскохозяйственных работ, землями. Основной приток мусульман, переселявшихся для аграрного освоения региона, шел из Оренбургской, Уфимской, Симбирской, Казанской губерний, а также за счет переселенцев с Кавказа и Средней Азии.

На протяжении XIX века прослеживается положительная динамика роста численности мусульманского населения, проживающего на территории Восточной Сибири. Так же отмечается, что до конца XIX века мусульмане пребывали только в двух губерниях: Енисейской и Иркутской. К концу XIX века мусульмане расселяются на территории Забайкальской и Якутской губерний. В 1851 году в Восточной Сибири насчитывается 3 524 человека⁵⁵.

⁵⁵Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. 1–2 / составленное по высочайшему его императорского величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. – СПб. : Тип. II Отд. Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1854. – 697 с.

В 1897 году насчитывалось уже 17 717 человек обоего пола; в 1911 году – 18 535 человек.⁵⁶

В XIX веке власти проводили политику веротерпимости, давая возможность свободного развития ислама и мусульманского права. Однако со второй половины XIX века российская имперская политика претерпевает изменения. По отношению к нерусским народам государственный аппарат продолжал проводить прагматичную политику, традиционную для предыдущего столетия. В то же время, в имперской политике обозначилось стремление к культурной и административной унификации империи. Это подразумевало более значительное вторжение имперских властей в жизнь нерусских сообществ, культурные особенности которых стали рассматриваться как существенное препятствие политике интеграции.

Несмотря на то, что мусульмане в Сибири не подчинялись Уставу об управлении инородцами 1822 года, во всех документах они относились к «инородцам», как якуты, буряты и остальные коренные народы Сибири.

Правовое положение мусульман Восточной Сибири регулировалось в рамках правовых актов Оренбургского духовного собрания. С учреждением Оренбургского магометанского духовного собрания управление мусульманами Центральной и Восточной России обрело трехступенчатую структуру. Высшим духовным управлением заведовал муфтиат. Среднее звено (мухтасибат) создавалось во всех мусульманских общинах, состав которых был от 50 до 150 человек. Управление общиной совершали от 2 до 5 членов под председательством мухтасиба. В низшее духовное правление (мухтаваллиат) входили: председатель, мулла, муэдзин, секретарь и казначей. В обязанности мухтаваллиата входило заведование дел мечети, медресе, контроль за исполнением законов шариата.⁵⁷

⁵⁶ Азиатская Россия : в 4 т. — Т. 1. Люди и порядки за Уралом. — СПб. : Переселенческое Управление Главного управления землеустройства и земледелия, 1914. — С. 242.

⁵⁷ Алексеев, И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико-правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (К вопросу о взаимовлиянии цивилизационных логик в российской истории) /Религиоведение. – 2002. – №2. – С.20.

Оренбургское духовенство распоряжалось порядком проведения богослужений, обрядов, заключением и расторжением браков. Помимо этого духовенство было в праве решать вопросы завещаний, наследства и частной собственности. Оренбургское духовенство в принятии своих решений руководствовалось сводом правил и обычаев, существовавших в мусульманской вере. Все обжалования на решения приходского духовенства направлялись духовному правлению, а на решения духовного правления – Оренбургскому губернатору. Далее дела направлялись в Министерство внутренних дел для разрешения их в установленном порядке⁵⁸.

Можно сказать, что высшая государственная власть в империи не занималась вопросами мусульман, а передавала их дела в руки специального созданного для этих целей органа. Такой поступок был вполне логичным и правильным в рамках многонационального государства. Также, мусульманское управление было централизованным, полномочия духовного собрания было довольно обширны, но, тем не менее, органы государственной власти все же брали часть функций на себя. Из основных проблем, стоящих перед управлением мусульманской общиной, было то, что при наличии центрального органа власти, отсутствовали органы местного самоуправления, из-за чего связь между центром и отдельными общинами осуществлялась плохо и сложно было контролировать всю эту большую территорию из одного центра⁵⁹.

Таким образом, к началу XX в. на территории страны сложилась достаточно сложившаяся система мусульманских духовных учреждений. Районы Европейской России и Сибири курировались замыкавшимся на Министерстве внутренних дел Оренбургским и Таврическим муфтиями.

⁵⁸ Константинова Н.А. Система управления мусульманами Восточной Сибири (вторая половина XIX в. – 1917.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2005. – С.86–88.

⁵⁹ Константинова Н.А. Правовое положение мусульман Восточной Сибири во второй половине XIX– нач.XX вв.// Конфессии народов Сибири в XVII– начале XX вв.: развитие и взаимодействие. – Иркутск.: Анонс, 2005. – С.170– 178.

Что касается буддийских общин в Восточной Сибири, то тут следует отметить, что уже к середине XIX века развитие буддизма достигло своего предела. Затянувшееся обсуждение проектов законодательства тормозило деятельность и дальнейшую эволюцию общины.

Долгожданный свод правил появился лишь в 1853 году. Главной его целью было ограничить количество храмов и сократить штат духовенства. «Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири» оставляло 34 дацана и 285 лам, получающих содержание. Создание новых дацанов запрещалось. Храмы строились только с разрешения генерал-губернатора.⁶⁰

Основная задача «Положения о буддистах Восточной Сибири» заключалась в том, чтобы «отрегулировать взаимоотношения центральной и местной власти с бурятским ламаистским духовенством». Кроме того, данным документом были «положены преграды у бурят к беспорядкам», которые имели место быть «между духовенством сего народа».⁶¹

Положение содержало множество ограничительных статей, взятых из прошлых проектов, несмотря на то, что изначально составители опирались на либеральные идеи Шиллинга. Оно также вобрало в себя множество ошибок из прошлых Уставов. Статьи были сформулированы так, что их можно было интерпретировать по-разному. Однако буддийское духовенство приняло Положение достаточно спокойно и до конца XIX века оно оставалось действующим, несмотря на свой временной характер.

Новой проблемой для буддистов становится националистический курс в империи, который начинает укрепляться при Александре II.

Русификация начинает развиваться под руководством В.А. Благоданова, известного как отец Вениамин. Он был главой Забайкальской духовной миссии, епископом Иркутским и Нерчинским, а потом и архиепископом. В буддизме отец Вениамин видел главного соперника

⁶⁰ Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири 1853 г. Электронный ресурс <http://terme.ru/termin/polozhenie-o-lamaiskom-duhovenstve-v-vostochnoi-sibiri-1853-g.html> (Дата обращения 01.05.2020)

⁶¹ Жуковская Н.Л. Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири. <http://dhamma.ru/dict/dicti-P.htm> (дата обращения: 01.04.2020).

православия, а также главную помеху на пути русификации бурят. “Положение о ламайском духовенстве” должно было быть исправлено и ужесточено, но проект потерпел неудачу.

Серьезнейший конфликт между правительством и буддийской Сангхой произошел в 1872 году. Связан он был с деятельностью нового генерал-губернатора Н.П. Синельникова. Он не только начинает разрушать культовые сооружения, но также вводит ряд запертов, которые, по его мнению должны были сократить раздутый штат лам. Массовые разрушения святынь приводили к конфликтам между буддистами и православными добровольцами.⁶²

По-прежнему острой проблемой для властей являлось сотрудничество бурятского духовенства с иностранными буддистами. Попытки изоляции Забайкальских буддистов от остального буддийского мира приводили к ряду проблем. Например буддисты нуждались в собственной религиозной литературе, которая возможно было достать лишь за границей, однако власти России ограничивали связь своих верноподанных с иностранцами, из-за чего в Забайкалье появляется необходимость в собственном книгопечатании. К 1887 году около двух третей всех дацанов имели книгопечатни. Стремительное развитие буддийской печати настораживало правительство. Они пытались выставить буддизм как угрозу, проводя параллели с “панисламизмом”.

Активная христианизация бурятского населения, начавшаяся при Александре II, усиливалась в правление Александра III и Николая II. Малочисленные конфессии не в состоянии были конкурировать с православной церковью. В 1897 году число православных верующих в

⁶² Цыремпилов Н.В. Государство и бурятская буддийская община в Российской Империи XVIII – начала XX в. – У-Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013. – 338 с.

Забайкалье составляло 443009 человек, буддистов – 174227. В Иркутской губернии: православных – 428301, буддистов – 11609 человек.⁶³

В 1890 году была утверждена Временная инструкция об управлении делами Ламайского духовенства в Иркутской губернии. Суть этого документа была в передаче полномочий управления духовными делами буддистов в руки генерал–губернатора, а не в руки Пандито Хамбо–ламы.

В конце XIX в. распространение буддизма во многом осложнялось сопротивлением со стороны шаманизма и христианства. Тем не менее в Забайкалье возникла мощная самостоятельная буддийская сангха.⁶⁴

Наступление консерваторов на бурятских буддистов было остановлено лишь в 1905 году. После революции Николай II был вынужден издать Указ об укреплении начал веротерпимости. С этого момента начинается процесс расцвета буддизма не только в Восточной Сибири, но и во всей империи.

Сравнительный анализ систем управления двумя представленными конфессиями в Восточной Сибири позволяет сделать выводы о различиях между управлениями мусульман и буддистов. Если последние подчинялись местным органам самоуправления, то мусульманские общины находились под контролем единого централизованного органа – Оренбургского магометанского духовного собрания.

Таким образом, можно сказать, что государственно–конфессиональная политика в Восточной Сибири по отношению к иноверным исповеданиям была довольно скомканной, поскольку власти сами не понимали, какие реформы будут устраивать обе стороны. Устремления мусульманского духовенства и государственной власти оказались абсолютно противоположными. Мусульмане стремились централизовать свою власть и расширить влияние общины, в то время как государство было нацелено на децентрализацию уммы. Буддийское духовенство в Восточной Сибири

⁶³ Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Электронный ресурс www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_rel_97.php?reg=0 (Дата обращения 18.04.2020).

⁶⁴ Позднеев А.М. К истории развития буддизма в Забайкальском крае. // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. – М.: Прогресс, 1886. – С. 169–188.

столкнулось с полным непониманием со стороны властей касательно проводимой относительно сангхи политики. Многочисленные реформы то раскрывали свободу буддистов, то резко ограничивали ее. Процесс насильственной христианизации лишь усложнял процесс реформации. Однако буддизм показал себя жизнеспособной организацией, которая смогла перенести все реформы и к моменту падения империи превратится в одну из государственных религий России.

2.2. Инославные вероисповедания в системе государственно– конфессиональных отношений в Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.

К середине XIX века в Восточной Сибири образовалось большое количество христианских общин, не относящихся к государственному православию. Возникшие религиозные центры находились под пристальным наблюдением властей, желавших держать их под своим контролем.

После присоединения к империи территорий Прибалтики и Польши в подданстве государства появилось множество иностранцев, по большей части исповедывавших протестантизм.

Делами протестантизма заведовал Департамент духовных дел инославных исповеданий, который входил в состав Министерства внутренних дел. В 1880–х годах в Российской империи официально признавалось четыре протестантских направления: церкви евангелическо–реформаторские, евангелическо–лютеранские, баптистские и менонитские⁶⁵.

Первыми поселенцами–протестантами в Восточной Сибири стали лютеране. Во многом они были привлечены для строительства железной дороги. По профессии зачастую это были инженеры, специалисты в области технических наук. Тем не менее, большинство протестантов на территории Восточной Сибири появилось вследствие принудительного переселения. Практика ссылки протестантских общин на территорию Сибири

⁶⁵ Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. – М.: В Университетской типографии, 1890. – С. 36.

существовала вплоть до 1905 года. После этого были отмечены отдельные случаи ссылки в период Первой мировой войны: в Иркутске отбывали ссылку некоторые лютеранские пасторы. Массовое появление протестантов в регионе отмечено в период столыпинских реформ.

Протестантские церкви в Сибири начинают появляться во второй половине XIX века: в 1860–1865 годы возникают первые меннонитские общины, в 1891–1893 годы — баптисты и адвентисты⁶⁶. Связано это было, в первую очередь, со строительством Сибирской магистрали и дальнейшей колонизацией этого края. К началу XX века на территории Сибири количество протестантов было около четырех тысяч. Их общины развивались медленно, поскольку многие носили полуполюгальный характер и были крайне немногочисленны. Несмотря на это, число членов сект росло: к 1908 году количество верующих удвоилось и составляло 7,5 тыс., а к 1915 году насчитывало уже 11 тыс.⁶⁷

Протестантизм в Восточной Сибири развивался намного успешнее, чем в европейской части империи, поскольку здесь население было более нейтрально к представителям других конфессий, а также менее заметным было господство православной церкви над обществом.

Революция и Декреты Советского правительства о свободе вероисповедания и равенства всех религий дало новый толчок росту протестантских общин в Сибири, этому способствовал приток сюда беженцев с Поволжья, многие из которых были членами той или иной протестантской церкви. Конечно, у людей, не нашедших опоры в идеологии православия и старообрядчества, идеи, выдвигаемые адвентистами и баптистами, нашли отклик. Особенно бурно росли церкви баптистов, развернувших массовую проповедническую деятельность.

⁶⁶ Эйнгорн, И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири. 1917–1937 текст. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982. — С. 341.

⁶⁷ Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. — Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. — С. 128.

Таким образом, начиная с XIX века, протестантизм является неотъемлемой частью религиозной жизни Восточной Сибири. Несмотря на конфессиональную неоднородность, сегодня это одно из самых динамично растущих религиозных движений региона.

Наряду с протестантами, самыми многочисленными последователями христианства, не относящимся к РПЦ в Восточной Сибири являлись старообрядцы. В регионе они начали появляться в связи с гонениями, которые устраивали на них государство и официальное православие.

По первой всеобщей переписи 1897 г. в Забайкальской области насчитывалось 36,6 тысяч старообрядцев, в Енисейской губернии – 12 тысяч, в Иркутской – около 2 тысяч, в Якутской области – 1,1 тысяч. Во всех документах, касающихся старообрядцев, отмечалось, что их количество постоянно увеличивалось⁶⁸. Это было связано как с естественным приростом старообрядцев в регионе, так и с политикой переселения, проводимой государством в этот период.

В 1911г. численность старообрядцев в Восточной Сибири увеличилась: в Забайкальской области – на 50% (18000 человек), в Енисейской губернии – более чем на 40% (5000)⁶⁹, в Иркутской губернии – почти на 80% (3000)⁷⁰. Только в Якутской области число старообрядцев уменьшилось на 250 душ.

Старообрядчество в регионе было представлено различными направлениями. В XIX в. в Восточной Сибири преобладали поповцы. По территориям последователи разных толков группировались неравномерно. Наиболее многочисленным был толк часовенных поповцев Забайкалья.

⁶⁸ Ершова О.П. Старообрядчество и власть/ О.П. Ершов. – М.: Уникум– центр, 1999 . – С. 25.

⁶⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год – Енисейская губерния. – СПб., 1904 – С.185

⁷⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год – Иркутская губерния. – СПб., 1904. – С.172

На рубеже XIX–XX вв. представители духовенства стали активными участниками миграций. Сначала их переселяли в Сибирь, а спустя 10 лет (к 1907г.) из Сибири.

До конца XVIII века практически вся деятельность властей относительно старообрядцев была направлена на их уничтожение и на борьбу с их учением. Законодательство о старообрядцах носило репрессивный характер, не имея за собой ничего положительного.

Однако уже в первой половине XIX века политика касательно вопроса староверов изменилась в лучшую сторону. Государство решило ввести новую политику духовного воздействия на старообрядцев. В 1840–х – 60–х гг. была завершена кодификация законов «о расколе» и выработана официальная формулировка, определяющая степень вредности для православия убеждений и действий последователей разных согласий; правительство отказалось от гласных преследований, расширило религиозные и гражданские права старообрядцев.⁷¹

Так поповцам дали разрешение занимать какие–либо общественные должности, не требующие особой ответственности. Им могли присуждаться разнообразные знаки отличия, награды. В отношении беспоповцев подобные допущения осуществлялись редко. Право свободного исповедания для старообрядцев всех толков исключалось. Брак, рождение младенцев признавались законными только при условии освещения их у единовещерческого или православного священника.⁷²

Реализация постановлений правительства существенно отличалась от предлагаемых решений и инструкций. С одной стороны – из–за противоречивой конфессиональной политики, бюрократизма и карьеризма в управлении, усугубляемого всеобщей секретностью, с другой стороны, – из–

⁷¹ Собрание постановлений по части раскола. – СПб.: Тип. М–ва внутренних дел, 1875 – С. 694.

⁷² Карташев А.В. Смысл старообрядчества. – М. Церковь: Старообрядческий церковно–общественный журнал, 1992. – С. 18–20.

за сопротивления старообрядцев. Они отказывались исполнять поручения властей, которые каким-либо образом мешали им исполнять свои обряды.

Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди старообрядцев была малоэффективной, поскольку последние признавались еретиками. Сами же старообрядцы также признавали главенствующее в стране вероучение как отступничество от истинного православия.

В XIX в. среди староверов региона была проведена только одна масштабная миссия в конце 30-х – начале 40-х гг. За этот период удалось переманить только 2000 староверов Забайкальской области, что составляло менее 10 % от числа проживающих там старообрядцев, и менее 5% от старообрядцев Восточной Сибири.⁷³

Старообрядцы–поповцы стойко сопротивлялись насаждению единоверия. Так как реально епархиальные власти не принимали ни одну из предложенных кандидатур, на должность единоверческого священника, старообрядцы сами привозили нелегально священников или принимали беглых попов. Если в первой половине века привозили перешедших из православия священников, то на рубеже XIX–XX вв. у них стали появляться даже старообрядческие епископы. Несмотря на конфискацию богослужебных принадлежностей, староверы проводили службы; распечатывали опечатанные часовни и молитвенные дома.

Беспоповцы притягивали к себе гораздо меньшее внимание. Властей беспокоил лишь вопрос о заключении неосвященных браков у беспоповцев, ибо тогда они противоречили законам. Более того, так браки заключались и с православным населением, что позволяло распространять свое учение, а это было крайне нежелательно для властей.⁷⁴

Представители таких направлений, как поморцы и бегуны (странники) отправлялись в ссылку на заводы или на другие работы. Таким образом, они

⁷³ Ушаров Н. Заметки о забайкальских старообрядцах // Сборник газеты «Сибирь», – Кн.1, – 1877. – С. 313–333.

⁷⁴ Старая вера: Старообрядческая хрестоматия. – М.: Издание Товарищества И. Д. Сытина, 1914. – С.400.

могли распространять свою веру среди каторжников. К слову, Сибирское странничество отличалось от общероссийского тем, что имело возможность поддерживать существование своей общности даже в условиях ссылки, а потому в Сибири оно вполне успешно существовало и боролось с православными миссионерами. Наличие отдаленных мест позволяло старообрядцам строить скиты, укрываться от властей, бежать из мест ссылки и поселения.⁷⁵

Религиозный уклад жизни старообрядцев был связан с их экономической и социальной деятельностью, а поэтому уступки властей только в некоторых вопросах, предоставление свобод в ряде мелких вопросов старообрядцев не устраивал, так как даже при таких свободах они не могли вести свою традиционную жизнь полностью свободно. Предоставление староверам подобия гражданских свобод, при жестком контроле за проявлениями их взглядов, существующий механизм уголовной ответственности и судопроизводства, поддерживали жизнь «застывшей старины», усиливали по принципу противодействия неповиновение старообрядцев, их убежденность в своей правоте.

Перемены в жизни старообрядцев наступают после выхода Указа «Об укреплении начал веротерпимости». Старообрядцы по Указу, освобождались от уголовной и административной ответственности за выбор вероисповедания. Запрещалось их преследование, дискриминация и ограничения в гражданских правах по религиозному признаку. Возможность выбора веры наступала с достижением совершеннолетнего возраста. Дозволялось обращение в свою веру усыновлённых детей.

Начиная с этого же времени, старообрядцы формально получают равные права с прихожанами обычных церквей. Староверы — поповцы могли теперь иметь собственных священников. Сторонников «древлего благочестия» официально перестали именовать «раскольниками», хотя в

⁷⁵ Тайны раскольников, старообрядцев и других сектаторов. Составлены на основании неизданных записок и документов В.Поповым.—СПб., 1871—С.127.

церковных документах это слово нередко употреблялось. Однако попыток навязать свое понимание «истинной веры» духовенство не оставляло. Так, в августе 1913г. Забайкальский епархиальный миссионер Сергей Знаменский провел миссионерское совещание в с. Мухоршибирь, «центре раскола». На совещании решено было, в частности, семь церквей, находящихся «рядом с раскольниками», выделить в особое миссионерское благочиние.⁷⁶

Таким образом можно сказать, что государственно–конфессиональная политика Российской Империи в Восточной Сибири по отношению к инославным исповеданиям была направлена в первую очередь на удержание под контролем протестантских и старообрядческих общин. Отношение властей к протестантам было более лояльным, так как с их помощью власти могли налаживать контакты за границей, а так же потому, что многие протестанты были привлечены к аграрному освоению региона и строительству железной дороги. Положение старообрядцев было более тяжелым. Хотя они и не играли особой роли в государственной политике, со стороны официальной церкви старообрядцы преподносились как опасные еретики, которых нужно было если не уничтожать, то держать под тщательным надзором. В полной мере инославные исповедания получают свободу и расширение своих прав только после выхода Указа “О началах веротерпимости”.

⁷⁶ Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1902–1924 гг. [Текст] / Н. С. Романов ; [предисл. и примеч. Н. В. Куликаускене]. – Иркутск : Восточно–Сибирское кн. изд–во, 1994. – С. 188.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конце XIX века на территории Восточной Сибири были представлены практически все вероисповедания, существующие на тот момент в Российской Империи. Люди, переехавшие в империю с новоприсоединенных к стране территорий переселялись в Восточную Сибирь, поскольку там было достаточно пространства для начала новой жизни, ведения сельского хозяйства, к тому же в Восточной Сибири не так остро чувствовалось давящее положение Русской Православной Церкви над другими конфессиями. В Сибири могли относительно свободно существовать и развиваться различные инославные и иноверные вероисповедания.

Вся духовная деятельность конфессий в Восточной Сибири была подчинена государственному правлению, чья власть была передана специальным духовным органам власти. Так, всеми делами мусульман заведовало Оренбургское духовное собрание, протестантов – Департамент духовных дел инославных исповеданий, который в свою очередь входил в состав Министерства внутренних дел, развитие буддизма регулировалось «Положением о буддистах Восточной Сибири», система Бандидо–хамбо лам была подчинена государственным органам и ими же контролировалась.

Основной проблемой государственно–конфессиональной политики в регионе было абсолютное непонимание властей того, что необходимо самим религиозным общинам для их дальнейшего функционирования под защитой и наблюдением государства. Государственно–конфессиональная политика изучаемого периода была в основном сосредоточена на том, чтобы удерживать все конфессии в Восточной Сибири под контролем, не давать негосударственным религиям распространяться и усиливать положение РПЦ в Восточной Сибири.

Принципиально новый этап в государственно–конфессиональной политике в империи наступает в начале XX века, когда государство встает на курс расширения свобод различных конфессий. Реформы, проводимые в

новом столетии, были, в первую очередь, направлены именно на инославные и иноверные вероисповедания, и в меньшей степени на Русскую Православную Церковь.

Корректировка законодательства империи в сторону расширения свободы вероисповедания началась с выпуска высочайшего манифеста от 26 февраля 1903 года «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». В нем власти предоставляли инославным и иноверным исповеданиям свободное отправление их веры и совершение религиозных обрядов. В указе Сенату 12 декабря 1904 года «Об усовершенствовании общественного порядка» эти изменения получили развитие.

Указом от 17 апреля 1905 года был взят курс на «укрепление начал веротерпимости» и отмену религиозных ограничений. Окончательные изменения в области государственно–церковных отношений произошли с принятием Манифеста от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка». В 1906 г. соответствующие изменения были внесены в Основные законы Российской Империи.

Таким образом, инославные и иноверные исповедания получали свободу в развитии, однако, в большей степени, от данных законов выигрывало именно старообрядчество, поскольку при старом курсе политики буддисты, мусульмане и протестанты в Восточной Сибири имели больше свободы, нежели «раскольники».

Старообрядцы по Указу, освобождались от уголовной и административной ответственности за выбор вероисповедания. Запрещалось их преследование, дискриминация и ограничения в гражданских правах по религиозному признаку. Дозволялось обращение в свою веру усыновлённых детей.

Негативные последствия данных реформ настигли в большей степени РПЦ. Хоть православная церковь и оставалась, по сути, самой многочисленной в стране, она лишилась статуса государственной религии и

приравлялась к конфессиям, которые долгие столетия находились ниже нее по статусу. В Восточной Сибири свобода выбора исповедания привела к тому, что многие, ранее крестившиеся в православие народы, возвращались к своей изначальной вере, тем самым уменьшая количество последователей православия в регионе. Кроме того, изменения в государственно–конфессиональной политике, перемены в обществе поставили православную церковь перед фактом необходимости дальнейших реформ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Crews, 2006. Crews, Robert D. For Prophet and Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia. Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, London, England, 2006 – 196 p.
2. Абдуллин Х.М. Военная служба крымских татар в Российской империи // Военно–исторический журнал, 2007. – №1. – 454 с.
3. Агапов А.В. Церковь и исполнительная власть // Государство и право– 1998. –№4. – С. 19–27.
4. Алексеев, И.Л. Некоторые особенности исторической эволюции и политико–правового положения ислама и мусульман в Российской империи в XIX – начале XX в. (К вопросу о взаимовлиянии цивилизационных логик в российской истории). – М.: Религиоведение, 2002. – №2. – С.15–17.
5. Алов, А. А. Католицизм, протестантизм, армянская апостольская церковь в России/ А.А. Алов, Н.Г. Владимиров. – М.: Институт наследия, 1995. – 111 с.
6. Алов, А.А. Ислам в России. – М.: Мысль, 1996. – 317 с.
7. Ананьев Д.А., Комлева Е.В., Раев Д.Я., Резун Д.Я., Соколовский И.Р., Туманик Е.Н. Новые земли и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии / отв. редактор Д.Я. Резун. – Нск.: Сова, 2006. – 227 с.
8. Андреев И. Д. Баптисты // Христианство: Энциклопедический словарь: В 2 т. / Ред. колл.: С. С. Аверинцев (гл.ред.) и др. – М.: Большая рос. энцикл., 1993. Т. 1. – С. 162.
9. Арсеньев К.К. Свобода совести и веротерпимость. – М.: Наука, 1905. – С. 3–5.
10. Атлас современной религиозной жизни России / Кестон. ин–т ; отв. ред. М. Бурдо, С. Филатов. – М. : Летний сад, 2005. – 863 с.
11. Аторин Р.Ю. Исторические предпосылки закона «Об укреплении начал веротерпимости» 1905 года и расцвет старообрядчества. [Электронный

- ресурс] URL: http://rpsc.ru/publications/history/atorin_manifest_1905/ (Дата обращения 16.04.2020).
12. Бабкин М.А. Священство и Царство (Россия, начало XX века – 1918 год). Исследования и материалы. – М.: Индрик, 2011. – 920 с.
 13. Батуркин А. Вероисповедная политика Российской империи во второй половине XIX в. – М.: Власть. 2009. – №2. – С. 75–80.
 14. Безлепкин А.С. К вопросу о взаимоотношениях церкви и государства в России/ А.С. Безлепкин. – М.: Российская юстиция, 1996. – 27 с.
 15. Биографический словарь миссионеров Русской Православной Церкви / [авт.–сост. свящ. Сергей Широков]. – М. : Белый Город, 2004. – 447 с.
 16. Богданов А.П. Старообрядцы // Старообрядчество: история, традиции, современность. – М.: Наука. 1994. – № 1. – С. 5–23.
 17. Борзова Е. С. Последствия указа 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» на территории Царства Польского и западных губерний Российской империи // Религиоведение . – 2013. – № 1. – С. 44—49.
 18. Введенский А. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов Одесса. – М.: Наука, 1912. – 197с.
 19. Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.
 20. Володина Н.В. Правовые системы государственно–конфессиональных отношений. – М.: Новый индекс, 2009. – 480 с.
 21. Воробьева (Кэмпбелл) Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. – М.: Московский обществ, науч. фонд, 2001. – С. 204–216.
 22. Гагемейстер, Ю.А. Статистическое обозрение Сибири . – СПб.: тип. II Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии, 1854. – С. 87–89.
 23. Гараджа В.И. Религиоведение. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 349 с.

24. Гарнак А. Сущность христианства. – М.: Интрада, 2001. – 192 с.
25. Герасимова К.М. Ламаизм и национально–колониальная политика царизма в Забайкалье в XIX и начале XX вв. – У–Удэ.: Бургиз, 1957. – 158 с.
26. Горюшкин Л.М. Переселенческое движение и сельское хозяйство Сибири во второй половине XIX – начале XX в. – Новосибирск: АН СССР, Сиб. отделение, Институт истории, филологии и философии, 1989. – С.25.
27. Дамешек И.Л. Сибирские инородцы в имперской стратегии власти. Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в.: сб. науч. тр. / под ред. Ю.М. Гончарова. – Барнаул: Азбука, 2005. – 356с.
28. Джораева С. В. Государственно–церковные отношения в России, (опыт философско–исторического анализа): Автореф. дисс. канд. истор. наук. – М.: Наука, 1997.– 22 с.
29. Дмитриев С.С. Православная церковь и государство в предреформенной России // История СССР, – 1966. – № 4. – С.54–72.
30. Догуревич, Т.А. Свет Азии: Распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религ. верований инородцев этого края : На основании миссион. отчетов, записок путешественников и лучших исслед. по данному вопросу / Сост. Т.А. Догуревич. – СПб: тип. П.П. Сойкина, ценз. 1897. – 167 с.
31. Долотов А. Церковь и сектантство в Сибири. – Новосибирск: Сибкрайиздат, 1930. – 450 с.
32. Елецкий К. Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России: этнографические очерки. – СПб: Издание Д.Д. Полубояринова, 1908. – 135 с.
33. Ерофеев К.Б. Сборник нормативно–правовых актов о свободе совести и о религиозных объединениях. – СПб.: Мирт, 1999. – 132 с.
34. Ершова О.П. Старообрядчество и власть. – М.: Уникум– центр, 1999 . – 25 с.

35. Ефимов А.Б. Некоторые проблемы православного миссионерства и заветы святителя Иннокентия Вениаминова // Славянский альманах. – М., 1997. – С. 36–51.
36. Жуковская Н.Л. Положение о ламайском духовенстве Восточной Сибири [Электронный ресурс]: <https://dhamma.ru/dict/dicti-P.htm> (дата обращения: 01.05.2020).
37. Знаменский П.В. История Русской Церкви. – М.: Крутицкое патриаршее подворье, 1996. – 474 с.
38. История Сибири с древнейших времен до наших дней (в 5 томах). – М.: Наука, 1968–1969. – 2600 с.
39. Карташев А.В. Смысл старообрядчества. – М. Церковь: Старообрядческий церковно–общественный журнал, 1992. – С.18–20.
40. Клибанов А.И. Русское православие: вехи истории. – М.: Политиздат, 1989. – 380 с.
41. Козлов–Струтинский С.Г. Католическая Церковь в Санкт–Петербурге и Ленинградской области. – СПб.: Наука, 2009. – 7 с.
42. Константинова Н.А. К вопросу об этническом и численном составе мусульман Восточной Сибири в XIX– начале XX вв.// Школьное краеведение: История и современность: материалы областной научно–практической конференции. – Иркутск: Изд–во ГОУ ВПО «Иркут. гос. пед. ун–т», 2004. – С. 221 – 225.
43. Константинова Н.А. Правовое положение мусульман Восточной Сибири во второй половине XIX– нач. XX вв.// Конфессии народов Сибири в XVII– начале XX вв.: развитие и взаимодействие. – Иркутск: Анонс, 2005. – С.170– 178.
44. Константинова Н.А. Система управления мусульманами Восточной Сибири (вторая половина XIX в. – 1917.) // Иркутский историко–экономический ежегодник. – Иркутск: Изд–во БГУЭП, 2005. – С. 86–88.

45. Константинова Н.А. Численность мусульман Восточной Сибири в XIX–начале XX вв. // Иркутский историко–экономический ежегодник. – Иркутск: Изд–во БГУЭП, 2004. – С. 97 – 99.
46. Корзун М. С. Русская православная Церковь на службе эксплуататорских классов: X–1917 год. – Мн.: Беларусь, 1984. – 255 с.
47. Кочетов А.Н. Буддизм в Сибири. – М.: Наука, 1983. – 177 с.
48. Красиков А. Свобода совести и государственно–церковные отношения в России/ А.Красиков. – М.: Диа–Логос, 1999.– 261 с.
49. Куницын И.А. Правовой статус религиозных объединений в России: исторический опыт, особенности и актуальные проблемы М., 2000. 462 с.
50. Ливцов В.А., Филонов В.И., Лепилин А.В. Взаимоотношения православия и католичества в контексте единой церкви. – М.: Спутник, 2006. – 137 с.
51. Лялина, Г.С. Баптизм: иллюзии и реальность текст. – М.: Политиздат, 1977. – 318 с.
52. Лялина, Г.С. Новые тенденции идеологии баптизма текст. – М.: Знание, 1979. – 298 с.
53. Манифест от 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1905. Т. 25. Отделение первое. №26803.
54. Мельгунов С. Церковь и государство в России в переходное время. Вып. II. 1907–1908 гг. – М.: Наука, 1990. – 502 с.
55. Миллер Г.Ф. История Сибири. Том 1. – М.: Императорская Академия Наук, 1750. – 630 с.
56. Мозговой С.А. Свобода вероисповедания, государственно–конфессиональные отношения и протестантизм в России. – М.: Институт свободы совести, 2002. – 119 с.
57. Мордухай–Болтовский И.Д. «О вере», Свод Основных Государственных законов, издание 1906 года. – СПб.: Русское Книжное Товарищество «Дѣятель», 1912. Том I–III. – С. 5–6.

58. Морозова Л. А. Государство и церковь: особенности взаимоотношений / Л. А. Морозова // Государство и право. – 1995. – № 3. – С. 86–95.
59. Мчедлов М. Социальная концепция православия // Свободная мысль XXI. – 2001. – №7. – С. 17–30.
60. Мчедлов М.П. Католицизм. – М.: Политиздат, 1974. – 43с.
61. Об укреплении начал веротерпимости, высочайше утвержденное положение Комитета Министров от 17 апреля 1905 года. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. третье. Том XXV, 1905. № 26126. – С. 258–262.
62. Общий свод по империи разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. – СПб.: СЗ РФ: Известия, 1905. Т.1. С. 6–7.
63. Омелянчук И.В. Православная церковь и самодержавное государство в идеологии черносотенных партий России начала XX века // Российский исторический журнал. – 2006. – № 1. – С. 12.
64. Основные Государственные Законы, высочайше утвержденный именной указ, данный Правительствующему Сенату от 23 апреля 1906 года. – Т.26. – 459 с.
65. Павлова О. С. Разработка и обсуждение законопроекта «Об укреплении начал веротерпимости»: к постановке проблемы // Аллея науки. – 2018. – № 3 (19).
66. Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. – СПб.: типография «Ш. Буссель», 1911. – 356 с.
67. Патканов С.К. О природе инородческого населения Сибири. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1911. – 208 с.
68. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 год– Енисейская губерния. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета, 1904. – 185 с.

69. Подберезский, И.В. Быть протестантом в России текст. – М.: Благовестник, 1996. – 332 с.
70. Поздеева И.В. Русское старообрядчество конца XIX в. // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока, история и современность: Местная традиция, русские и зарубежные связи. – 1997. – С. 7–13.
71. Позднеев А.М. К истории развития буддизма в Забайкальском крае. // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. – М.: Прогресс, 1886. – С. 169–188.
72. Положение о первой всеобщей переписи населения Российской Империи. «Правительственный вестник», 1895 г. – № 160. – С. 1–5.
73. Полосин О.В. Разработка концепции государственно–церковных отношений в России // Кентавр. 1995. – № 2. – 368 с.
74. Поспеловский Д.В. Православная Церковь в истории Руси, России и СССР. – М.: Библейско–богословский институт святого апостола Андрея, 1996. – 408 с.
75. Правительство и III Государственная Дума в их отношениях к старообрядчеству // ТЕВ. 1910. – № 8. – С. 174–181.
76. Пругавин А. С. Старообрядчество во второй половине XIX века/ С. П. Пругавин. – М.: Очерки из новейшей истории раскола, 1914. – 281 с.
77. Птицын В. Буддизм в Забайкалье. Из личных наблюдений туриста. – СПб.: Тип. МВД, 1892. – С. 173–186.
78. Ревуненкова Н. Протестантизм. Государственно–церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). – СПб.: Питер, 1996. – 32 с.
79. Рейснер М.А. Государство и верующая личность. – СПб.: Общественная польза, 2011. – 423 с.
80. Религия и закон: Конституционно–правовые основы свободы совести, вероисповедания и деятельности религиозных организаций : сб. правовых актов. – Москва, 1996. – С. 29.

81. Ремнев А. В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX веков: монография / А. В. Ремнев ; М–во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Омский гос. ун–т им. Ф. М. Достоевского». – Омск : Изд–во Омского гос. ун–та, 2015. – 577 с.
82. Рункевич С.Т. История Русской Церкви в Синодальный период. – М.: Изд–во БЕК, 1989. – Т.1. – 549 с.
83. Русские в Бурятии: история и современность // Под ред. В.И. Затеев. – У–Удэ.: Изд–во Бурятского государственного университета, 2002. – 578 с.
84. Свищев М.П. Миссионерская деятельность в контексте геополитики. – М., 1999. – 142 с.
85. Свод законов Российской империи. СПб, 1892 г., Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. С. 23–34.
86. Себенцова А.Е. Государственно–церковные отношения в России. (Опыт прошлого и современное состояние). – М.: Религия и право, 1997. – 112 с.
87. Сибирь в составе Российской империи// ред. Л.М Дамешек, А.В. Ремнев. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
88. Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия. XVI – начало XX века. – Новосибирск.: Наука, 1988. – 104 с.
89. Смолич И.К. История Русской Церкви. – М.: Изд–во Спасо–Преображ. Валаам. монастыря. Т.8, 1997. – С. 148–149.
90. Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского, по учебным и церковно–государственным вопросам, издаваемое под редакцией преосвященного Саввы, архиепископа Тверского и Кашинского. Т.5. Ч. 2, М.: Синод. тип., 1887. – С. 465–466.
91. Собрание узаконений и распоряжений Правительства. — СПб. , 1905. — 17 апреля (№ 63, Отд. 1, ст. 526). — С. 710—712 .
92. Соловьев В.С. Статьи и письма. – М.: Новый мир, 1989. № 1. – С. 232.
93. Соловьев Л. Современный штундо–баптизм и условия для его распространения в Тобольской епархии . – М.: Наука, 1909. – С. 239–243.

94. Соловьёв В.С. Письма/ В.С. Соловьёв. – СПб.: Общественная польза, 1923. Т.1. – С. 42.
95. Старая вера: Старообрядческая хрестоматия. – М.: Вече, 1914. – 400 с.
96. Стахеев Д. Забайкальская область: Очерк // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. – СПб.: Т-во М. О. Вольф, 1895. – С. 209–229.
97. Стахеев Д. Общий взгляд на Восточную Сибирь: Очерк. – СПб., 1895. – С. 10–20.
98. Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. (1848–1854гг.). – СПб.: тип. т-ва «Обществ. польза», 1889. – 180 с.
99. Тайны раскольников, старообрядцев и других сектаторов. Составлены на основании неизданных записок и документов В.Поповым. – СПб.: Рус. книгопечатня, 1871. – 127 с.
100. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. – М.: Политиздат, 1964. – 559 с.
101. Тресвятский, Лев Алексеевич. Православие на Кузнецкой земле в дореволюционный период [Текст] : научное издание / Л. А. Тресвятский ; Гос. образовательное учреждение высш. проф. образования «Кузбасская гос. пед. акад.» (ГОУ ВПО КузГПА), Муниципальное авт. образовательное учреждение доп. проф. образования «Ин-т повышения квалификации» (МАОУ ДПО ИПК). – Новокузнецк : МАОУ ДПО ИПК, 2013. – 267 с.
102. Трофимчук Н.А. Государственно–церковные отношения в России / Материалы «круглого стола» 27–28 окт. 1992 г. / Сост. Н.А.Трофимчук. – М.: Луч, 1993. – 134 с.
103. Ушаров Н. Заметки о забайкальских старообрядцах // Сборник газеты «Сибирь», 1877. – 336 с.
104. Федченков Вениамин. На рубеже двух эпох.– М.: Наука, 1994. – 198с.

105. Фёдоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917/ В.А. Федоров – М.: Русская панорама, 2003. – 480 с.
106. Харченко Л.Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири : (вторая половина XIX в.–февр. 1917 г.) : очерк истории. – СПб. : [б. и.], 2004. – С 46.
107. Цветаев Д.В. Положение иноверия в России: историческое обозрение текст. – М.: В Университетской типографии, 1904. – 149 с.
108. Цветаев Д.В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. – М.: В Университетской типографии, 1890. – С. 36.
109. Цыремпилов Н.В. Государство и бурятская буддийская община в Российской Империи XVIII – начала XX в. – У–Удэ: Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, 2013. – 338 с.
110. Чимитдоржин Г.Г. Институт Пандито Хамбо лам. 1764–2004 : сборник биографической информации. – У–Удэ : Изд–во буддийского института «Даши Чойнхорлин», 2004. – 186 с.
111. Чистякова О.И. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 года. Комментарий к разделу второму «О преступлениях против веры и о нарушении ограждающих оную постановлений». // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Тип. Шюман и Глушкова, 1988. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. – 432 с.
112. Шахнович М.М. Религиоведение. – СПб.: Питер, 2009. – 269 с.
113. Шахов М.О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – М.: Славянский правовой центр, 2011. – 548 с.
114. Шерстова Л.И. Иностранная политика государства и этнические процессы в Сибири в первой половине XIX в. // Историческая наука на рубеже веков: мат. – Томск.: Изд–во ТГУ, 2001. – С. 113–117.

115. Эйнгорн, И.Д. Очерки истории религии и атеизма в Сибири. 1917–1937 текст. — Томск: Изд-во Томского ун-та, 1982 год. – 341 с.
116. Ядринцев Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение: этнографические и статистические исследования с приложением статистических таблиц. – СПб.: Издание И. М. Сибирякова, 1891. – 308 с.
117. Ясевич–Бородаевская В.И. Борьба за веру. Историко–бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству в его последовательном развитии с приложением статей закона и высочайших указов/ В.И. Ясевич–Бородаевская. – СПб.: Государственная типография, 1912. – 263 с.